

Лукас Од

(Международный консорциум гуманитарных исследований, Германия;  
Центр исследования цивилизаций Восточной Азии, Франция; aude.lucas.xz@icloud.com)

## НЕДОСТИЖИМЫЕ ИДЕАЛЫ: МЕЖДУ САТИРОЙ И УТОПИЕЙ В ИНЫХ МИРАХ «ЛЯО ЧЖАЙ»

**Аннотация:** Новелла «Лоша Хайши» (羅殺海市) (Lz 132)<sup>1</sup> показательна для творчества Пу Сунлина (蒲松齡, 1640–1715), поскольку в ней поднимаются характерные для «Ляо Чжай чжи и» (聊齋誌異) темы: критический взгляд на общество, путешествие в волшебные страны, сложные отношения с независимой, сильной женщиной. Новелла рассказывает о приключениях человека, который затерялся в море и попал поочередно в две несуществующие страны. Оригинальность «Лоша Хайши» обнаруживается при сравнении этих государств. В первом из них, Стране ракшасов, положение в обществе определяется внешними данными. Подобное общество — сатирическое изображение Пу Сунлином чиновничества цинского Китая. Второе государство, Город моря, напротив, представляет собой некое идеальное место в подводном мире, где герой немедленно обретает успех. Тем самым в новелле с горечью декларируется невозможность обрести славу и богатство без соответствия внешним требованиям — это могло бы произойти только в идеальном мире, существующем лишь в воображении.

*Ключевые слова:* Ляо Чжай чжи и, иные миры, сатира, утопия, воображение.

Lucas Aude

(International Consortium for Research in the Humanities, Germany;  
East Asian Civilizations Research Centre, France; aude.lucas.xz@icloud.com)

### UNREACHABLE IDEALS: BETWEEN SATIRE AND UTOPIA IN OTHER WORLDS OF LIAOZHAI ZHIYI

**Abstract:** *Luosha Haishi* 羅殺海市 (Lz 132) is a very emblematic tale of Pu Songling's (蒲松齡, 1640–1715), as it involves emblematic themes of *Liaozhai zhiyi* (聊齋誌異): a critical view of society, an adventure into enchanted lands, and a complex relationship to an independent, powerful woman. The tale tells about the journey of a man who, after having been lost at sea, visits two imaginary worlds. *Luosha Haishi* reveals its originality when comparing both these places. The first one, the Country of Rakshasas, is a state in which physical appearance determines one's social status. This society is a satirical portrayal mirroring Pu's vision of Qing China officialdom. Conversely, the City of the Sea, the character's second place of stay, is a utopian undersea place where the character knows immediate success. *Luosha Haishi* thus makes the bitter statement of the impossibility to access glory and richness when one does not wish to hide behind appearances, while for it to occur it would require an ideal world that exists only in imagination.

*Keywords:* *Liaozhai zhiyi*, other worlds, satire, utopia, imagination.

Среди излюбленных тем Пу Сунлина (蒲松齡, 1640–1715) в его книге «Ляо Чжай чжи и» (聊齋誌異) привлекает внимание тема путешествия в загадочную, волшебную страну, где герой проживает иную жизнь, в которой он часто же-

<sup>1</sup> Здесь и далее в скобках указан порядковый номер новеллы. — *Примеч. ред.*

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

нится на небожительнице, дарящей ему наследника. Такое путешествие в другой мир позволяет автору описать как удивительные и прекрасные места, так и жуткие, зловещие ситуации, которые зачастую являются критическим, перевернутым изображением китайского общества эпохи Цин. «Лоша Хайши» (羅殺海市, «Страна ракшасов и Город моря») (Lz 132) — одна из новелл цикла, рассказывающая о таком путешествии в чужеземные края и отличающаяся тем, что в ней изображена не одна, а две такие страны: первая является критическим отражением цинского общества, а вторая представляет собой идеальный мир, где герой обретает счастье, но в итоге уезжает — намек на то, что такой мир существует лишь в воображении. Таким образом, «Лоша Хайши» сочетает в себе одновременно и острую сатиру, и надежду на то, что спасительная утопия возможна.

Новелла рассказывает об ученом Ма Цзи (馬驥), который назван «прекрасным и любезным» (*мэй фэн цзы*, 美丰姿) и чей отец, купец, уговаривает его оставить свое занятие<sup>2</sup>. Путешествуя по торговым делам, Ма Цзи попадает в шторм и терпит кораблекрушение. Море выбрасывает его на неизвестный берег, где живут странные уродливые люди: их части тела или обезображены, или находятся не на своих местах. Но более всего озадачивает то, что чем ниже положение человека в обществе, тем менее безобразен он внешне. Иначе говоря, высокопоставленные чиновники смотрятся в глазах Ма Цзи чудовищно отвратительными, в то время как нищие попрошайки выглядят совершенно обычно. Сам же он кажется окружающим отталкивающим: его страшатся и избегают. Причины этой странной ситуации объясняют герою местные бедняки:

*Наша страна ценит не ученость, а внешность. Исключительно красивые становятся сановными министрами, менее красивые — чиновниками на местах, а те, кто еще менее красив, могут получать от знати вознаграждение за свои труды, чтобы прокормить жену и детей. Что же до нас, рождение наше не было добрым знаком для наших родителей, и мы часто были оставлены ими. И если они не отказались от нас, то только ради продолжения рода.*

我國所重，不在文章，而在形貌。其美之極者，為上卿；次任民社，下焉者，亦邀貴人寵，故得鼎烹以養妻子。若我輩出生時，父母皆以為不祥，往往置棄之；其不認遽棄者，皆為宗嗣耳。[1, с. 455]

Такое изображение Страны ракшасов предполагает, что проницательный читатель узнает в чужеземцах своих соотечественников. Описание в высшей степени сатирическое, и приведенная выше цитата, конечно же, является замаскированной острой критикой того общества, в котором жил сам автор. Утверждение о том, что государство ценит не талант к литературе и образованию, а внешний вид, звучит сетованием ученого, оставшегося непризнанным, как и сам Пу Сунлин, который много раз за свою жизнь безуспешно пытался сдать императорские экзамены. Таким образом, вымышленная социальная иерархия

---

<sup>2</sup> Здесь можно отметить автобиографическую деталь: отец Пу Сунлина в свое время оставил ученые занятия и стал вести торговлю.

в новелле используется для критики ситуации, которая для автора была реальностью: императорские экзаменаторы отдавали предпочтение «красоте» испытуемых (т. е. их роли в обществе), а не профессиональным качествам.

Интересно, что в тот же период, когда создавались новеллы «Ляо Чжая», французский философ и писатель Шарль де Монтескье (1689–1755) опубликовал эпистолярный роман «Персидские письма» (1721), в котором два перса отправляются в современный автору Париж и смотрят глазами иноземцев на все, что для самих французов является совершенно обыденным (см. [4]). Их взгляд на французское общество и оценка происходящего позволили французским читателям увидеть собственную жизнь в новом, критическом свете. В «Лоша Хайши» новыми являются не взгляд и оценка, а сам их объект. Однако сатирический прием похож: необычное для иностранца задает новый ракурс осмысления собственного общества.

Важно также то, что тема телесного уродства именно в этой новелле играет особую роль для всего «Ляо Чжая». В своей диссертации «Уроды и уродства в “Ляо Чжай чжи и”» Сара Л. Додд относит безобразию к разновидности гротеска [2, с. 67–69] и рассматривает его как «[отрицание] всяких попыток внесения упорядоченности. Именно это и придает [безобразным телам] способность к губительному воздействию: их существование предполагает, что общественный порядок непрочен, что сама сущность человека неустойчива» [2, с. 71]. Здесь нужно отметить, что в «Лоша Хайши» уродство имеет полностью противоположное значение. Оно отражает строгую общественную иерархию и даже не оставляет места социальным лифтам. В то время как во многих новеллах цикла телесные деформации воплощают потерю контроля над своим «я», в «Лоша Хайши» они задают нормативные рамки. С другой стороны, это тоже можно воспринимать как вариант потери себя: общественное устройство влияет на жизнь индивида столь сильно, что он теряет способность самостоятельно функционировать в обществе. Что же касается психологической структуры «я», «Лоша Хайши» не позволяет прийти к каким-то выводам, поскольку обезображенные люди являются второстепенными персонажами и обрисованы весьма схематично.

Оказавшись на берегу, Ма Цзи вскоре добирается до столицы и узнает, что попал в Страну ракшасов (*Да лоша го*, 大羅殺國). Здесь он видит людей с чудовищными уродствами: ушами на спине, тройными ноздрями, непомерно длинными ресницами; эти люди занимают высшие государственные посты. Ма Цзи отовсюду прогоняют, но в итоге он находит поддержку со стороны военного чиновника, много раз бывавшего за границей, благодаря чему внешность Ма не кажется ему отталкивающей. Ма гостит у него какое-то время. Интересный эпизод в их общении показывает индивидуальность восприятия ими музыки. Чиновник устраивает пир в честь Ма, и вдвоем они слушают музыкантов, исполняющих весьма необычные мелодии и ритмы (*цянпай хуэйгуэй*, 腔拍恢詭). Пу Сунлин пронизательно отмечает здесь, что восприятие искусства субъективно и может отличаться в разных культурах. Хозяину, очевидно, нравятся песни, и он спрашивает, есть ли что-то подобное в Китае. Ма поет для него. В отличие

от реакции самого Ма на музыку Страны ракшасов, его песня вызывает большое воодушевление у хозяина дома. Он, как и Ма, говорит, что никогда раньше не слышал столь странного (*и, 異*) представления; но интересно, что он сравнивает его с «криком феникса и свистом дракона» (*фэнмин лунсяо, 鳳鳴龍嘯*). Учитывая положительные коннотации, связанные с фениксами и драконами в китайской культуре, мы можем заключить из этого сравнения, что песня Ма понравилась хозяину. Иными словами, наблюдается несоответствие между тем, как каждый из персонажей воспринимает искусство другого: хотя музыка ракшасов не находит отклика у Ма, хозяин дома оказывается способен оценить песню из Китая.

Поскольку весь двор обсуждает Ма, царь изъявляет желание познакомиться с ним. Однако придворные так настойчиво говорят о его уродстве, что царь отказывается от своей идеи. Однажды Ма напивается вместе с хозяином дома, раскрашивает лицо черной краской и берет меч, чтобы подражать легендарному герою эпохи Троецарствия Чжан Фэю (*張飛, 167–221*). Хозяин настолько поражен, что убеждает его устроить представление для министров. Представление оказывается встречено всеобщим одобрением, и зрители восклицают: «Как необычно! Как возможно, что раньше он был уродлив, а сейчас прекрасен?» (*Ицзай! Хэ цянь чи эр цзинь янь е! 異哉! 何前媿而今妍也!*) Эти возгласы не только иллюстрируют уже известный об этой стране факт: внешность в ней ценится больше таланта — но и демонстрируют, как легко ввести ее жителей в заблуждение при помощи маскировки. Здесь читатель тоже распознает едкую критику автором современного ему общества, где, с его точки зрения, люди носят маски и обманывают друг друга. Успех Ма приводит его к царскому двору, где он дает представление в стиле бурлеск: покрыв голову белой парчой, танцует в облике женщины и поет нарочито грубым голосом. Царь так доволен, что назначает его сановником. Теперь Ма пользуется привилегиями высокопоставленного лица. Но придворным не нравятся его уловки, и за спиной у него ползут слухи. Это тема, которая постоянно возникает в новеллах «Ляо Чжая», посвященных блеску и упадку чиновничьей карьеры: какой бы благосклонностью со стороны монарха ни пользовались персонажи, они в итоге впадают в немилость из-за сплетен других придворных. В «Сюй Хуанлянь» (*續黃梁, «Продолжение сна о желтом просе»*) (Lz 149) главного героя обвиняют в злоупотреблениях точно так же, как Ма осуждают за то, что он скрывает, кем является на самом деле.

Отвергаемый всеми, Ма просит небольшой отпуск и возвращается в ту деревню, с которой началось его знакомство со страной. Жители рассказывают ему о Городе моря (*Хайши, 海市*), портовом городе посреди моря, где «русалки четырех морей собирают жемчуг и другие сокровища, [куда], чтобы торговать, съезжаются люди из двенадцати стран четырех сторон света. Среди них много странствующих бессмертных. Когда небо там закрывают тучи, одна за другой образуются огромные волны» (*四海蛟人, 集貨珠寶, 四方十二國, 均來貿易。中多神人遊戲。雲霞障天, 波濤間作。*) [1, с. 458]. Несмотря на возражения деревенских жителей, Ма отправляется с ними в торговое путешествие, и после трех дней плавания они прибывают в дивный город, описание которого звучит так:

*Сквозь воду и тучи в пелене ряби можно было рассмотреть вдали многоярусные павильоны и башни. Торговые корабли толпились здесь, как муравьи. Вскоре герои подплыли к городу и увидели, что каждый кирпич в городской стене был в человеческий рост. Величественные сторожевые башни возносились к небу. Пришвартовав свой корабль, они вошли [в город] и увидели товары на рынке: самоцветы изумительной красоты и диковинные сверкающие сокровища, от каких не оторвать взгляд и каких не увидишь в мире смертных.*

*遙見水雲幌漾之中，樓閣層疊；貿遷之舟，紛集如蟻。少時，抵城下。視牆上磚，皆長與人等。敵樓高接雲漢。維舟而入，見市上所陳，奇珍異寶，光明射眼，多人世所無。 [1, с. 458]*

Сразу после их прибытия персонаж под именем Третий принц Восточного моря (*Дунгьян саньши цзы*, 東洋三世子) распознает в Ма чужеземца и выражает удовольствие от его визита. Он тут же дарит ему коня, и они оба скачут сквозь воду: море расступается перед ними, и между двух стен из воды появляется дворец, в котором «крыша сделана из панцирей черепах, покрытых черепицей из рыбьей чешуи, а стены сверкают подобно хрусталу и ослепляют как зеркало» (*даймао вэй лян, фанлинъ цзо ва; сыбу цзинмин, цзяньнин сюаньму; 玳瑁為梁，魴鱗作瓦；四壁晶明，鑑影炫目。*)<sup>3</sup> [1, с. 459]. Здесь можно заметить разительное отличие между тем, как Ма был встречен в Стране ракшасов и в Городе моря: в первом случае все жители бедной деревушки разбежались, оставив его с нищими, в то время как во втором он оказывается почетным гостем. Таким образом обозначен контраст между сатирической Страной ракшасов и утопическим Городом моря.

Ма представлен Царю Драконов (*Луницзюнь*, 龍君), который восхищен визитом китайского «мудреца» (*сяньши*, 賢士) и заказывает ему оду (*фу*, 賦) в честь Города моря. Так у Ма появляется возможность проявить свой литературный талант. Если в Стране ракшасов, чтобы позабавить зрителей, ему пришлось переодеться и выступить в жанре бурлеска, то здесь ему предлагают проявить себя как интеллектуала. Придя в восторг от стихов Ма — которые Пу Сунлин, заметим, не приводит — царь устраивает пир в его честь. Во время празднеств он предлагает ему руку своей дочери. Брачную ночь Ма проводит среди драгоценных камней и жемчуга, расшитых шелков и благовоний. Сюжет, таким образом, включает в себя элементы жанра историй о «красавице и ученом» (*цайцзы цзяжэнь*, 才子佳人): успех в карьере чиновника и брак с женщиной, подобной богине.

Наутро его принимают при дворе как царского зятя (*фума дувэй*, 駙馬都尉), и вскоре слава о нем распространяется по всем морям:

*Его оду знают во всех морях. Все цари драконов отправляют своих посланников с поздравлениями. Царского зятя неустанно зовут на пиры. В расшитом одеянии и верхом*

<sup>3</sup> Этот отрывок напоминает другую новеллу из «Ляо Чжай», «Ванься» (晚霞) (Lz 420), пронизанную описаниями элементов подводного благолепия.

на синем драконе, Ма выезжает из дворца под приветственные возгласы. Рядом с ним десятки солдат, вооруженных луками с гравировкой и дубинками с белым лотосом. Ослепительные всадники играют на цитрах, а те, кто в колесницах, — на нефритовых инструментах. Три дня они ездят по всем морям. С тех пор имя Лунмэй [второе имя Ма Цзи (цзы, 字)] становится известно в четырех морях.

以其賦馳傳諸海。諸海龍君，皆專員來賀；爭折簡招駙馬飲。生衣繡裳，駕青虬，呵殿而出。武士數十騎，皆雕弧，荷白楫，晃馬上彈箏，車中奏玉。三日間，徧歷諸海。由是“龍媒”之名，諳於四海。[1, с. 460]

Значение второго имени Ма Цзи (цзы, 字) полностью раскрывается в этом эпизоде — как будто оно предвещало тот успех, который он обрел в Городе моря. Как и во многих других новеллах цикла, например «Сюй Хуанлянь», герой, попадая в иную реальность, удостаивается всевозможных почестей, описание которых изобилует гиперболами. Противопоставление настоящего мира, где Ма пришлось оставить мечту о карьере и славе, и идеального мира, где он сразу возносится к самым вершинам, делает Город моря утопическим местом, т. е. именно как в «Утопии» Томаса Мора (1478–1535) — местом несуществующим, но совершенным, где царят справедливость и радость (см.[5]).

Ма не только преуспевает в карьере, но также счастлив в браке и повсюду окружен красотой:

*Во дворце было нефритовое дерево со стволом такой толщины, что обхватить его могли только несколько человек, взявшись за руки. Оно сверкало и просвечивало как стекло, как белое стекло, с бледно-желтой сердцевиной, тонкой, как рука. Листья были будто из сине-зеленого нефрита, тоненькие, как монетки, и хотя листва не была густой, она давала хорошую тень. [Ма] и его жена часто пели вместе под этим деревом. Когда оно цвело, цветы его напоминали душистую магнолию. Если падал лист, слышался легкий звон. [Ма] собирал и рассматривал листья — звонкие, будто вырезанные из красного агата, они переливались светом. Иногда на дерево прилетали диковинные птицы с золотыми и сине-зелеными перьями и длинными хвостами. Их пение было, как нефрит, чистым и исполненным меланхолии и вселяло грусть в сердца слушающих. Всякий раз, когда Ма слушал птиц, он вспоминал свою родину.*

宮中有玉樹一株，圍可合抱；本瑩澈，如白琉璃；中有心，淡黃色；稍細於臂；葉類碧玉，厚一錢許，細碎有濃陰。常與女嘯咏其下。花開滿樹，狀類蒼筍。每一瓣落，鏘然作響。拾視之，如赤璫雕鏤，光明可愛。時有異鳥來鳴，— 毛金碧色，尾長於身，— 聲等哀玉，惻人肺腑。生每聞輒念鄉土。[1, с. 460–461]

Хотя Ма счастлив, в новой жизни он сталкивается с невозможностью исполнить конфуцианский долг — позаботиться о своих родителях. Он сообщает жене о желании вернуться на родину, но вопреки его надеждам она отказывается поехать с ним: ведь она титулованная благородная особа из этого иного мира, и, как она замечает, «пути бессмертных и [людей] бренного [мира] не сходятся, [им] нельзя полагаться друг на друга» (сянь чэнь лу гэ, бун эн сяньги; 仙塵路隔，不能相依) [1, с. 461]. Во время пира в честь Ма она добавляет, что предначертанная им связь исчерпала себя (цингюань цзинь и, 情緣盡矣), и так прощается с ним. По-



сколькx расставание инициировано ею, она выступает как сильная, независимая, мудрая «необыкновенная женщина». Как пишет Кит МакМэхон, «она воплощает собой требование совершить полное самопожертвование и вывести себя за рамки нормативного состояния самоопределения. Таким образом она вызывает к жизни экзистенциальное состояние чистой возможности» [3, с. 17]. В этой новелле жена Ма выходит из своего «нормативного состояния самоопределения», отказываясь последовать за ним и заботиться о его родителях в соответствии с тем, как должна была это делать невестка в традиционном Китае. Более того, она сообщает ему о своей беременности, а позднее и передает ему для воспитания родившихся у нее близнецов — девочку, которую они назвали Лунгун (龍宮, «дворец дракона»), и мальчика, названного Фухай (福海, «море счастья»). Тем самым она отходит от утвердившегося в классическом Китае образа женщины, чья социальная роль предполагала ведение домашнего хозяйства и воспитание детей. Вместо того чтобы стать матерью, жена Ма остается вечной возлюбленной и просит его не жениться более ни на ком и хранить верность ей. Она добавляет, что быть в разлуке, сохраняя доверие, лучше, чем стареть вместе, испытывая взаимные подозрения, — намек на то, что его первая жена, которая ранее не упоминалась, уже изменила ему. Она назначает ему встречу через три года, чтобы передать ему детей. Все, что она говорит, впоследствии подтверждается, показывая, что она, по-видимому, всеведуща, и превращая ее в фигуру, наделенную силой и властью. Наконец, она просит его оставить ей что-нибудь на память, и он дает ей два цветка лотоса из красного нефрита, привезенных из Страны ракшасов.

Через три года Ма обнаруживает на берегу девочку и мальчика, чьи волосы украшены этими нефритовыми цветами. Так он понимает, что это его дети. У них при себе есть письмо от матери, адресованное Ма, где она пишет, что веряет их обоим ему. Этот же мотив независимой женщины, оставляющей детей на попечение отца, также присутствует в другой новелле «Ляо Чжай» — «Сянюй» (俠女, «Женщина-воительница») (Lz 67) — где героиня исчезает, совершив дочернее возмездие и оставив своего сына его отцу. Но в отличие от этой женщины жена Ма выражает свою привязанность после расставания. В письме она сообщает, что хранит верность несмотря на то, что стала «непостоянной» (данфу, 蕩婦). Она также предсказывает смерть его матери<sup>4</sup> и заверяет его, что проводит ее в последний путь, изменив своему первоначальному решению не следовать за Ма к нему на родину. Наконец, она предрекает, что дети смогут снова увидеться с ней. В некотором смысле жена Ма напоминает небожительницу Бай Юйюй (白于玉) (Lz 99), которая оставляет своего ребенка на попечение отца, но поддерживает связь с его женой, занимающейся воспитанием этого ребенка, и дарит ей волшебные подарки из иного мира точно так же, как жена Ма отправляет ему красные цветы из нефрита.

<sup>4</sup> В этом предсказании заметна ее двойственность: она выражает беспокойство о своей свекрови, но в то же время отказывается проявлять дочернее послушание, служа родителям мужа.

Итак, Лунгун и Фухай воспитываются отцом, а его мать действительно через год умирает. На похоронах рядом с могилой появляется скорбящая женщина — вне сомнения, это жена Ма, — которую уносит резкий порыв ветра, а затем начинается ливень (мотив, отсылающий к родному ей водному миру). Подобным же образом она является своей дочери, когда однажды та плачет, тоскуя по матери. В последней сцене новеллы Ма врывается в комнату, едва услышав, что там находится его жена, но она исчезает с ударом грома, как бы сообщая ему, что счастье, которое он оставил в утопии, невозможно обрести вновь.

В заключение следует добавить, что «Лоша Хайши» — это один из тех текстов «Ляо Чжай чжи и», где представлены несколько отдельных этапов жизни человека, хотя в данном случае речь идет скорее о стремлениях, невозможности их исполнения и о том, как они показаны в литературе, нежели о реальном их воплощении. Сюжет разворачивается в двух вымышленных мирах: один «глазами иностранца» сатирически показывает то, в чем Пу Сунлин видел несостоятельность цинского общества — пренебрежение истинным талантом и предпочтение ему фальшивой наружности, — а второй представляет собой утопию, где с легкостью исполняются желания и обретается счастье.

В новелле затронуты множество тем: социальная критика, относительность субъективных эстетических оценок, открытие новых стран, богатство и слава, сопутствующие успехам в карьере, супружество и тоска по любви, женщина с независимым характером и т. д.

Страна раکشасов противопоставляется Городу моря. Путешествия Ма Цзи выявляют невозможность достичь богатства и славы для того, кто отказывается прикрываться масками, — это возможно лишь в идеальном мире, существующем только в воображении. Воображение же имеет свои границы, как показывает момент, когда Ма чувствует, что должен уехать из Города моря; но оно также может принести немного волшебства и радости в обыденную жизнь — как и происходит в итоге в жизни Ма.

## Литература

1. 蒲松齡，張友鶴（輯校）. 聊齋誌異會校會注會評本. 上海，上海古籍出版社，2011. [Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжай о необычайном / Чжан Юхэ (ред.). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2011.] (На кит. яз.)
2. *Dodd S. Monsters and Monstrosity in Liaozhai zhiyi* (Unpublished Doctoral Thesis). Leeds: University of Leeds, 2013.
3. *McMahon K. Polygamy and Sublime Passion: Sexuality in China on the Verge of Modernity*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2010.
4. *Montesquieu C.-L. Lettres persanes / Versini L. (ed)*. Paris: GF Flammarion, 1995.
5. *More T. Utopia / Miller C. (transl.)*. New Haven, London: Yale University Press, 2014.



## References

1. Pu Songling. *Liaozhai's Records of the Strange* / Zhang Youhe (ed). Shanghai, Shanghai guji chubanshe, 2011. (In Chinese)
2. Dodd S. *Monsters and Monstrosity in Liaozhai zhiyi* (Unpublished Doctoral Thesis). Leeds, University of Leeds, 2013.
3. McMahon K. *Polygamy and Sublime Passion: Sexuality in China on the Verge of Modernity*. Honolulu, University of Hawai'i Press, 2010.
4. Montesquieu C.-L. *Lettres persanes* / Versini L. (ed). Paris, GF Flammarion, 1995.
5. More T. *Utopia* / Miller C. (transl.). New Haven, London, Yale University Press, 2014.